Литературная газета
г. Москва
4 АВГ 1982

8207

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

«БЕЛЫЙ СВЕТ НЕ РАЗЛИЧА»

«ПРОЧИТАЛА письмо поэта Александра Николаева («ЛГ», № 21, 1982). Мне, читательнице, стало неловко перед этим человеком. Неловко от одной только мысли, что, читая в «Юности» пародию А. Иванова, признаться, порадовалась за известнейшего мастера смеха. Пародия вроде бы получилась, тем более что и смех вызывала, и на раздумья наводила: «Есть же люди!...» А оказалось...».

Так написала в редакцию Г. Абдуллаева из Баку. И ее слова лучшим образом выражают суть читательских откликов на опубликованное в газете письмо поэта А. Николаева и редакционный комментарий к нему.

Само количество откликов — свыше пятисот! — говорит о живейшем интересе читателей к проблеме, поднятой в этих материалах. Что такое пародия? Этично ли поступил Александр Иванов, не давший себе труда вникнуть в сущность того, что якобы пародирует? Об этом ведут речь инвалиды Великой Отечественной войны А. Ковях из гор. Ейска Краснодарского края и Д. Редькин (рабочий поселок Карсун Ульяновской области), участники войны А. Петров из Архангельска, Ф. Суйский из Симферополя, В. Рогачев из Одессы, В. Манойло из Воронежа, С. Одокиенко из Ленинграда, семья Киселевых (гор. Тихорецк Краснодарского края), семья Петровых из Казани, сотрудники отдела научно-технической информации ВНИИгидроуголь из города Новокузнецка Кемеровской области, работники бюро технической информации из города Куйбышева, инженерно-технические работники службы конторы № 3 «Мосгаз» и многие-многие другие.

Несколько (в этом нет приуменьшения, можно было бы даже сказать, единицы) писем пришло от читателей, которым стихотворение А. Николаева показалось художественно слабым и потому, как считают они, А. Иванов имел право на «злую» пародию.

Но отдельные эти голоса тонут в многоголосом хоре согласных между собой и с редакцией читателей: нет, не имел права! Мало того, что пародия игнорирует реальное содержание стихотворения А. Николаева, она, считают наши читатели, вышла обидной для поэта, оскорбляющей его человеческое достоинство!

Тем более досадно, что, как подчеркивает абсолютное большинство читателей, Александр Иванов — человек с дарованием. Лучшие его пародии снискали ему заслуженную популярность. Но, увы. Слишком часто в последнее время он стал отходить от того, что составляет самую суть литературной пародии — жанра, традиции которого блистательно утвердили такие мастера прошлого, как Козьма Прутков, Добролюбов, Минаев, и другие пародисты «Искры» и «Свистка».

«Люди моего поколения, — пишет в своем письме москвичка Л. Петрова, — помнят прекрасную книжечку пародий «Парнас дыбом». Мы знали замечательного пародиста Александра Архангельского, который шел в своих произведениях от стиля автора, и это было интересно: вы сразу угадывали, о ком он пишет».

Действительно. Кто из любителей поэзии не смог бы опознать автора по этим строчкам:

Мне
попадись
такая
жена —
Зануда
старого
быта —
Я б как гаркнул:
— Цыц, сатана!
Сиди
у разбитого
корыта!

А по этим:

Ах, зачем народился
парнишка:
Значит муж целовался
с женой.
Ну, а мне — одинокому —
крышка,
Октябрины справляю
в пивной.

Или по этим:

На даче дождь. Разбой
Стихий, свистков и выжиг.
Эпоха. я тобой,
Как прачкой, буду выжат.

А между тем эти строчки вовсе не принадлежат Маяковскому, Есенину, Пастернаку. Их написал Александр Архангельский, написал в манере каждого из них.

Потому что он был **пародистом**, то есть художником, который, как сказал Пушкин, обязан «обладать всеми слогами».

«Сей род шуток, — отозвался Пушкин о пародии, — требует редкой гибкости слога...»

Впрочем, судя по теоретическим выступлениям Александра Иванова, он четко представляет себе, что такое пародия. Мы уже цитировали его выступление в «Неделе», где он говорил, что пародист должен пользоваться «методами критикуемого». Вот и совсем недавно, в «Книжном обозрении» (№ 24, 1982) он снова хорошо говорит о пародии, о том, что «это критика, средство литературы». Беда только, что практика современных пародистов не подтверждает подчас их же собственных верных теоретических суждений.

Говоря это, мы имеем в виду не одного только Иванова. Даже не столько его самого — других многочисленных представителей сатирического цеха, далеко отступающих от традиций лучших наших пародистов.

Каким, к примеру, уважением и любовью читателей пользовались пародии Сергея Васильева, о котором хорошо написал нам профессор Московского университета С. М. Флейшман, процитировавший пародию С. Васильева на Степана Щипачева, где пародист вышучивает такую примечательную черту лирического характера Щипачева, как доброта, высмеивает те его стихи, где поэт впадал, бывало, в излишнюю восторженность:

«Все сердцу любо. Все ласкает взор. Я на простор хочу, я выхожу во двор. Вот воробей чирикнул. Сколько в нем сноровки! Вот сушится соседское бельишко на веревке. Подумать только: грязь на нем была! А вот отмылось же бельишко добела. Каким оно мне кажется приветливым и милым! Как замечательно, что есть торговля мылом!»

И вот — сравнительно недавняя — пародия на того же Щипачева Виктора Завадского:

«До слез я таракашке рад прохожей. Старайся, насекомая, живи! Любой козявке, даже нехорошей, готов признаться в дружбе и любви! На лапки муравьев, букашек злейших ни разу я не наступил в траве, и комаров, как братьев наших меньших, я никогда не бил по голове!»

Есть ли здесь что-нибудь от лирической манеры С. Щипачева? Да, он был добр, иногда даже — и это подметил С. Васильев — излишне восторжен, но «нехорошей козявке» в любви признаваться бы не стал, «злейшую букашку» смог бы обидеть — его поэзию отличала как раз активная гражданственность, в том числе и противостояние злу, борьба с ним.

И уж что абсолютно нехарактерно для манеры Щипачева — перекличка с Есениным. Это настолько далекие друг от друга поэты, что невозможно даже угадать, чем руководствовался В. Завадский, перефразировав в пародии на Щипачева знаменитые есенинские строки: «И зверье, как братьев наших меньших, никогда не бил по голове». Общность темы в данном случае? Ну, а то, что художественные средства решения ее у обоих поэтов абсолютно разные, — это что же, можно игнорировать?

Сергею Васильеву не надо было объяснять читателям, о ком он пишет, — это угадывалось ими. Виктору Завадскому пришлось вынести в эпиграф своей пародии сразу две щипачевские строчки: «Я рад зайчонку, крошечным букашкам», «мне тягостно видеть глаза хулигана». И обе они не помогли. Нет в них ни непротивленчества, ни подражания Есенину. То есть нет того, что есть в пародии. Нет там Щипачева.

Среди откликов на письмо поэта А. Николаева есть и писательские. Нам представляется совершенно справедливым следующее замечание переводчика и литературоведа Валентина Дмитриева: «Если, к примеру, взять «Мадонну» Пушкина и на ее основе сочинить послание к уродливой женщине, закончив строчкой: «Чистейшей гадости чистейший образец» — разве это будет пародия?»

Конечно, не будет! Будет только чудовищно, уродливо извращенный Пушкин.

Поэтому закончим наш обзор читательских откликов цитатой из письма Валентина Дмитриева. «Приходится, — пишет он, — перефразировать известное двустишие и сказать:

Смеяться, право же, грешно
Над тем, что вовсе
не смешно!»

ОТДЕЛ КРИТИКИ «ЛГ»